

Пупок чернеет сквозь рубашку

Новые известия — 2002 — 28 мая — с 1, 7.
Философ и аналитик, литературовед-структуралист **Альфред Барков** обнаружил, что «Евгений Онегин» относится к классу художественных произведений, называемых **мениппеями**, в которых роль рассказчика принадлежит не автору, но отдается одному из персонажей, причем такому, который, «создавая» этот текст, пытается так или иначе автора опорочить. Наш корреспондент **Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ** взял у **А.Баркова** обширное интервью, часть которого, относящуюся к Пушкину, мы сегодня и предлагаем читателям.

В.К.: Альфред Николаевич, что навело вас на мысль о том, что «Онегин» — сатирическая мениппея, то есть, что роман написан не «от первого лица» и что рассказчик в нем антагонист Пушкина?

А.Б.: Занимаясь анализом содержания романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита», я обнаружил, что Михаил Афанасьевич включил в текст намеки на то, что структура его романа аналогична структуре «Евгения Онегина». Это не могло не заинтриговать, поскольку главный секрет романа Булгакова заключается в том, что он напи-

сан с позиции не самого автора, а одного из персонажей. Со всеми вытекающими последствиями для восприятия его истинного содержания.

Ознакомление с работами авторитетнейших пушкинистов показало, что содержание «Онегина» остается загадкой, что в его фабуле содержится много неразрешимых противоречий и что надежды на разгадку практически уже нет (Ю.Лотман). А это верные признаки того, что «Евгений Онегин» является сатирической мениппеей и что его надо читать не с общепринятой точки зрения.

В.К.: Готовясь к нашему разговору, я перечитал «Онегина», и вот что меня поразило: запомнившиеся, лежащие, что называется, на языке цитаты из романа (если это не картины природы, городского или деревенского быта) — как правило, всего лишь банальные сентенции, а мудрости пушкинской в произведении нет и в помине. В чем же тогда проявилась здесь пушкинская гениальность?

А.Б.: А ее в прямом прочтении текста и не должно быть. В том-то и дело, что уже много лет наша пушкинистика пытается сделать вид, что с «Евгением Онегиным» у нас все в порядке, и нахваливает его текст, не понимая, что за ним стоит. В то же время «Евгений Онегин» считается незавершенным, оборванным, словом, ущербным.

Это в корне ошибочное мнение. Мы привыкли считать, что роман кончается спелой в будуаре Татьяны и что дальнейшая судьба Онегина неизвестна; на самом же деле история его жизни имеет свое продолжение, и ее содержание заключено в тех же восьми главах «незавершенного» повествования — плюс, правда, еще и «Разговор книгопродавца с поэтом».

В.К.: Как это понять — «в тех же восьми главах»? Что в них есть такого, кроме них самих?

А.Б.: Напомню, что Пушкин — гений мистификации. Он запустил в мир афоризм, что роман-де «требует болтовни». Не разобравшись с подлинным значением такого утверждения, мы воспринимаем многочисленные «лирические отступления» в романе как ничего не значащую «болтовню» самого Пушкина. Пушкинисты великодушно прощают поэту, что ровно двадцать процентов первой главы занимает пустая болтовня о женских «ножках» — ну шалит поэт, что ж поделаешь... И вот психологически все мы склонны считать эти «лирические отступления» не имеющими никакого отношения к фабуле романа. Но как раз эти места и содержат информацию о биографии Онегина, а также его психологические характеристики.

Фактически *Пушкин повествует о том,*

как уже после отказа Татьяны *посредственный литератор Онегин, являющийся в романе рассказчиком*, в сельской глуши *пишет мемуары* в форме поэмы; как возникающие при этом переживания оставляют свой след в виде «лирических отступлений». По времени действие основной фабулы романа — о создании Онегиным своего опуса — происходит уже после завершения действия последней, восьмой главы. Все, что мы привыкли считать «основным», — лишь фон для прорисовки образа Онегина, который попытался написать «поэму песен в двадцать пять», зло пародируя в ней Пушкина и Баратынского, но не сумел ни прописать характеры, ни закончить повествование и, уже в старости, всеми забытый, приносит свой так и не законченный опус к издателю. И вот этот образ посредственного и злобствующего литератора воссоздан Пушкиным действительно гениально; ничего подобного в мировой литературе не было.

В.К.: Но ведь об этом в романе вроде бы ничего и нет.

А.Б.: Начнем с того, что об этом говорится в эпилоге романа, который был опубликован под одной обложкой вместе с первой главой. Это «Разговор книгопродавца с поэтом». Никто не понял, что это эпилог, все приняла его за самостоятельное стихотво-

рение и так его до сих пор и публикуют. Завершающая «Разговор» «презренная проза»: «Вот вам моя рукопись. Условимся, и есть последние слова романа «Евгений Онегин».

В.К.: То есть, публикуя первую главу, Пушкин уже знал, чем кончится роман, а значит, и весь его план? Но тогда вся история его написания и публикации отдельными главами, его «размышления» (в письмах и стихах) над советами Плетнева продолжать роман — грандиозная пушкинская мистификация!

А.Б.: Именно так! А чего стоит розыгрыш Пушкина, который на балу с «изумлением» сказал Данзас: вон, мол, «какую штуку удрала» с ним Татьяна, отказала Онегину — хотя из уже опубликованного к тому времени эпилога «Разговора» было ясно, что она ему откажет и что старость героя, окрашенная тоской из-за неудавшейся любви, будет протекать в сельской глуши в одиночестве! На самом деле это Пушкин «удрал» с нами со всеми «штуку»! Пушкин был гением мистификации и умел хранить свои тайны. Достаточно сказать, что, публикуя первую главу, он не рассказал о своем замысле даже близким друзьям — иначе чем объяснить, что их первые отзывы на «Онегина» были столь негативными:

(Окончание на стр. 7)

